

Следовательно, мы можем предположить, что деталь, или штрих, является звеном между внешним и внутренним портретом в описании персонажей у Н.А. Тэффи, поскольку деталь психологизируется.

Литература

1. Бабенко Л.Г., Казарин Ю.В. Лингвистический анализ художественного текста. – Екатеринбург, 2003.
2. Галанов Б.Е. Живопись словом. – М., 1972.
3. Галанов Б.Е. Искусство портрета. – М., 1967.
4. Мельникова-Папоушек Н. Тэффи // Творчество Н.А. Тэффи и русский литературный процесс 1 пол. XX века. – М., 1999. – С.150-151.
5. Николаев Д.Д. Юмористическая проза Тэффи // Тэффи Н.А. Собр. соч.: В 7 т. Т. I, «И стало так...». – М., 1999. – С.29-42.
6. Трубилова Е.М. Сны в произведениях Тэффи // Творчество Н.А. Тэффи и русский литературный процесс 1 пол. XX века. – М., 1999. – С.40-49.
7. Федякин С. Р. Творчество Тэффи в контексте высказываний Петра Бицилли о прозе // Творчество Н.А. Тэффи и русский литературный процесс 1 пол. XX века. – М., 1999. – С.160-189.

А.С. Никитин
Научный руководитель:
к. филол. н., доцент
Л.С. Соболева

ОТ КНЯЖЕСКОГО РОДА К ЦАРСКОЙ ДИНАСТИИ

XVI век в Российской истории явился переломным, знаковым, главным образом, в политической сфере. Превращение московского княжества в великорусское государство привело к значительным последствиям. Наиболее значимые из них – ликвидация особых княжеских прав в землевладении и слияние удельных князей с боярством, а также утверждение в уме московского государя нового взгляда на свою власть. В это время родовой и государственный порядок вещей вступают в сложные взаимоотношения, причём государство всё чаще начинает выходить на

первый план. Ломаются многовековые традиции и устои, когда безусловное подчинение и служение интересам государства начинают превалировать над кровными узами. Итогом этих формаций, на мой взгляд, стала концентрация власти в руках одной, но главной линии великокняжеского рода, а именно – царской семьи. Фактически же сформировалась царская династия в том виде, какой мы её знаем вплоть до 1917 года.

Но сама по себе эта идея не так интересна, как в аспекте освещения её летописанием того времени. Летопись, являясь культурно-историческим феноменом, фиксирует явления реальной действительности, и поэтому, безусловно, претендует на некую историческую правду. Но в тоже время (и это главное), летопись – порождение своего автора. Летописец, обладая индивидуальным сознанием и неповторимой личностью, но несвободный от идей своего времени, в известной мере творит историю. Исторический факт, пропущенный через человеческое сознание, перестаёт быть только историческим фактом, но становится достоянием художественной реальности; а любой текст (не только художественный) несёт на себе отпечаток субъективности и авторского отношения к действительности. Поэтому летопись нужно рассматривать через призму сознания её написавшего и быть готовым к разнообразным интерпретациям реальных событий.

Какой смысл начинают обретать летописи с XV века? Для средневекового мышления было характерно придание традиции, обычая особенного авторитета при решении проблем современности. Важно было освятить новые, только складывающиеся политические порядки единого Российского государства авторитетом традиции, укрепить настоящее ссылкой на прошлое, а для этого требовалось переосмыслить и даже кое в чём переписать историю. «Ни чем другим, как остротой идейно-политической борьбы вокруг вопроса о характере, пределах, назначении, природе самодержавной власти, небывалыми по силе политическими потрясениями и кризисами в России XVI века нельзя объяснить совершенно неизмеримую по сравнению с прошлыми веками работу, проделанную по модернизации и интерпретации исторических материалов». [б:139]

Московские правители нуждались в истории не только для того, чтобы просто припомнить в нужный момент, как поступали в аналогичных случаях их близкие и далёкие предки. История, как уже было сказано, была нужна им для гораздо более важной цели: политического обоснования своей власти, своего положения в государстве. Так, отличительной особенностью Никоновской летописи, появившейся в XVI веке, являются подробные родословные росписи, сопровождающие имена князей. Эти сведения служили определённым политическим целям: утверждению идеи о

старшинстве родословной линии московских великих князей и обоснованию представления об единстве всех русских земель.

Во второй половине XVI века (предположительно в 1568-1578 годах) Никоновская (или Патриаршая) летопись была использована для создания так называемого Лицевого свода. Колоссальный (десятитомный) по своему объёму и охвату событий иллюстрированный свод всемирной истории, продолжением и венцом которой считалась тогда монархия Ивана Грозного, был составлен по инициативе митрополита Макария. Главное внимание в этом труде уделено созданию такой конструкции повествования, из которой становилось бы ясным, что род московских великих князей – Рюриковичей ведётся непосредственно от римских императоров, а также, что нет и не может быть на московском престоле более родовой и заслуженной династии.

Я взял несколько летописных эпизодов, чтобы посмотреть, как в них манифестируется идея вычленения царской династии и, по возможности, оценить позицию писца.

Как я уже сказал, появление нового типа правителя, мыслящего категориями государства, обусловлено качественно иным типом мышления и понимания своего статуса уже начиная с Ивана III. Ему, собравшему под собой Русские земли, потребовалось получить царственное значение и величие, которым были окружены другие монархи Европы как преемники цезарей, как помазанные свыше. Частично проблема была решена женитьбой на Софье Палеолог, племяннице последнего восточноримского императора Константина. После этого Иван III впервые титулуется царём всея Руси, а позднее: «Иоанн, Божию милостию государь всея Руси», поскольку почувствовал себя и по политическому могуществу, и по православному христианству, и по брачному родству преемником павшего дома византийских императоров. Сама по себе идея эта не была нова. Ещё в середине XIV века Симеон Гордый, князь московский и владимирский, по причине того, что «все князи русские под руце его даны» [1:312], называет себя великим князем всея Руси. По сути, таким образом он отделяет родовые понятия от государственных, оставляет другим князьям название великих, но себе берёт титул начальника не рода княжеского, но всей Русской земли, государства. Но именно Иван III первым получил название Грозного, потому что первый явился для двора и народа монархом, требующим беспрекословного повиновения и строго карающим заслушание, первый возвысился до царственной недосыгаемой высоты.

При Иване III чрезвычайно обострился вопросе о престолонаследии. От первого брака на тверской княжне Марии он имел сына Ивана. Чтоб отстранить притязания братьев и других родичей, великий князь объявил сына своего также великим князем и, заключая договоры, не отделял имени

сына от своего. Но Иван Молодой умер, оставив сына Дмитрия, тогда как от второго брака с Софьей Палеолог уже родился сын Василий. Вставала дилемма: кому наследовать – сыну или внуку?

Иван III, как известно, сперва назначил своим наследником Дмитрия и даже венчал его на великое княжение, но потом начал «нерадеть о внуке», разжаловал и заключил под стражу, а преемником объявил Василия. «Чи не волен я в своём внуке и в своих детях? Ино кому хочю, тому дам княжество», - читаем в Степенной книге царского родословия [2:160]. Слова эти знаменуют отказ от старых родовых обычаев; отныне воля самодержца будет решать вопрос о престолонаследии: при выборе преемника среди нисходящих линий отец благословляет великим княжеством того сына, которого хочет, невзирая на старшинство.

Иван III умирает в 1505 году, оставив духовную, где приказывает детей меньших «Юрья з братьею сыну своему Василью, а их брату старейшему, и вы дети мои Юрьи, Дмитрий, Семен, Андрей, дръжите моего сына Василия, а своего брата старейшего, в моё место своего отца, и слушайте его во всём...» [8:281]. Тем самым Иван III хотел предотвратить возможные междоусобицы между братьями. Но, не смотря на все его старания, Василий Иванович не жил в ладу с родичами. Последние, очевидно, не могли забыть старины, прежних родственных отношений к старшему брату и принять новых государственных. Своего пика это противостояние достигло уже в конце жизни Василия III., когда вновь возникла необходимость передачи власти.

Описание «преставления блаженнаго и приснопамятнаго великого князя Василья Ивановича всея Русии» присутствует во всех летописях. Так, в «Летописце начала царства» (составлен предположительно в 1553-1555 годах) читаем: «В лето 7042... уразуме великий князь государь Василий болезнь свою смертную, и призва сына своего старейшаго князя Ивана, ещё же ему младу сущу, наставшу лету четвертому отъ рождения его. И великий государь въсклонися мало на одре своемъ, и благослови крестомъ сына своего, и возложилъ на него крестъ и рекъ: «симъ святым и животворящим крестомъ благословил святой Петръ Чюдотворецъ прародителя нашего великого князя Ивана Даниловича и весь родъ нашъ великихъ князей Володимирскихъ и всея Русии...» [3:75]. Зафиксирован момент передачи власти от отца к старшему сыну, причём подчёркивается не только «кровная законность» престолонаследия, но и духовная связь – древний обычай благословления крестом, что придаёт величия, пафоса и политического веса молодому царю.

«А сына своего меньшаго князя Юрья благословиль крестм и даль ему, да и вотчиною его пожаловалъ, Угличемъ-полемъ и иными городы» (3:76). Но оба малолетних сына до совершеннолетия нуждались в регенте.

Волевым решение, заранее предугадывая недовольство бояр, Василий Иванович «приказывает великой княгине Елене своей дети и престоль области дръжавствовати скипетръ великіа Русіа до възмужаніа сына... и князь великій полагаеть на ней все правленіе великаго государства многаго еа разума по подобію и достоинству и Богомъ и избранну царскаго правленіа» (3:76). В условиях отсутствия утверждённого порядка престолонаследия игнорирование своих братьев Юрия Ивановича и Андрея Ивановича, хотя бы и в качестве регентов, являлось рискованным, но хорошо продуманным шагом. Государь укрепляет своё право на принятие волевых решений, окончательно уходя от влияния родовых интересов, в стремлении не допускать к власти никого, кроме своей собственной семьи (в узком смысле).

Синодальный список Никоновской или Патриаршей летописи (создан также в середине XVI века) составлен в том числе и по «Летописцу начала царства». В основном дублируя текст событий 1534 года, автор включил обращение Василия к боярам: «Вы же бояре мои, съ вами Русскую землю держахъ и во всехъ странахъ славенъ быхъ, и ркли есте и правду дали служити мне и детем моимъ: обяжите себе слово свое на вие своей, укрепитесь истинною, приказываю вамъ княгиню и дети своя, послужите княгине моей и сыну моему, великому князю Ивану, и отъ бесерменства и отъ латынства и отъ своихъ сильныхъ людей, отъ обидъ и отъ продажъ все заодин, сколко вамъ Богъ поможетъ» (3:76). Очевидно, что в момент написания текста обострились отношения Ивана IV с некоторыми представителями боярства, и слова Василия III понадобились для обвинения их в измене и невыполнении своих обязательств. Из обращения видно всё беспокойство Василия Ивановича относительно судьбы сына и государства.

В «Царственной книге», где сведения из «Летописца начала царства» и Синодального списка Никоновской летописи подверглись значительной переработке после 1564 года [4:251-289], этот мотив получил ещё большее развитие.

Пространно и очень подробно описывается буквально каждое действие Василия III. Здесь он также говорит: «...а вы бы бояре и боярскіе дети и княжата, стояли вопче съ моимъ сыномъ и съ мою братію противъ недруговъ, а служили бы ясте моему сыну, какъ ясте мне «от великаго князя Володимира Кіевскаго ведетъ наше государство Владимерское и Новгородцкое и Московское; мы вамъ государи прироженные, а вы наши извечные бояре; и вы, брате, стойте крепко, чтобы мой сынъ учинился на государстве государь и чтобы была въ земле правда» (3-413).

Итак, уже на этих примерах видна тенденциозность летописных источников. Авторы их путём ввода в текст нескольких предложений и характеристик меняют его идейную направленность и назначение. Особенно

это заметно в записях, которые описывают (действительную или мнимую) измену.

В «Летописце начало царства» есть известие « о поимании князя Юрия Ивановича». Василий III, опасаясь государственного переворота, ещё в 1531 году взял обязательство со своего брата Юрия, который «крестъ ему целовати, что ему брату своему великому князю Василью и его детямъ никотораго лиха не делати и государьствъ ихъ великихъ княжествъ подь нимъ и подь сыномъ его княземъ Иваномъ и подь ихъ детьми никак не подьискивати» (3:77). И после смерти царя на равнее со всеми «князь Юрьи крестъ целовал великому князю Ивану Васильевичу и его матери великой княгине Елене, что ему под ними никакими делы злыми не подьискивати». Однако «врагъ діаволь... вложи бояромъ великого князя мысль неблагоу: ино великаго князя государству крепку быти нельзя, потому что государь ещё младъ, трехъ летъ, а князь Юрьи свръшенный человекъ, люди приучити умеетъ, и как люди къ нему поедуть, и онъ станеть подь великимъ княземъ государьства его подьискивати» (3:77). Зачинщиком оказался «злодей» князь Андрей Шуйский, который «паки помысли къ князю Юрью отъехати, и не толко отъехати, но и на великое княженіе его поднятии, а у князя сего на мысли не бывало, понеже бо крестъ целоваль великому князю: какъ было ему изменити?». Князь Андрей пытался подговорить на отъезд и брата своего Бориса Горбатого. Но тот всё рассказал Елене. Великая княгиня заточила Шуйского «за сторожи», а судьбу князя Юрия доверила боярам: «какъ будетъ пригоже, и вы такъ делайте». В итоге Юрий Васильевич был посажен в тюрьму, где вскоре и умер.

В «Царственной книге» рассказ об этом гораздо более краток, но есть существенные отличия. Посланник князя Юрия Третьяк Тишков говорит: «князя бояре приводили, заперши, къ целованью, а сами князю Юрью за великого князя правды не дали: ино то какое целованіе? То невольное целованіе» (3:78). Упоминания об аресте Шуйского нет, как впрочем, нет и его противоправных действий. Решение о пленении князя Юрия принимает уже сама Елена: «берегучи сына и земли, приказала бояромъ: «вчера естя крестъ целовали сыну моему великому князю Ивану и добра хотети, и вы по тому и чините; коли является зло, ино бы не распространило. И велела князя Юрья поимати и посадити, оковавъ, за сторожи...» (3:78).

Я считаю, что «Летописецъ начала царства», создававшийся в обстановке ненависти Грозного к Шуйским (по воспоминаниям о своём детстве) всю вину за смерть Юрия возлагает на боярство и распри между ними. Елена же, не находя состав преступления, в данном случае выступает в защиту (хотя и пассивную) Юрия Васильевича как представителя своего рода. Другое дело, что в «Царственной книге» князь Юрий отказывается от ранее взятых на себя обязательств (аргументация о насильственном

приведении малоубедительна). Сей факт действительно можно считать изменою государю. Поэтому приговор княгини Елены жесток и справедлив. Тогда чем руководствовался летописец? Выскажу предположение, что автор привёл показательный пример того, что бывает при нарушении крестоцелования, а также обозначил прецедентность этого. Учитывая сроки редактирования «Царственной книги» (не позже 1568 года) и тот же год смерти Владимира Андреевича Старицкого (не желавшего целовать крест в 1553 году), аналогии очевидны.

К моменту восшествия Ивана IV на престол, таким образом, сложилась историческая ситуация, когда новый порядок вещей должен был окончательно закрепить свои позиции. Идея государства, олицетворённого в государе, в годы его правления достигает своего апогея.

Иван IV был уже третий государь на престоле московском, и в этом смысле порфирородный, рождённый и воспитанный уже монархом. По словам В. О. Ключевского, «Иван рано и много, раньше и больше, чем следовало бы, стал думать своей тревожной мыслью о том, что он государь московский и всея Руси» [5:500]. Уже в шестнадцать лет (в 1546 году) Грозный задумал жениться, но прежде женитьбы захотел поискать прародительских обычаев, как предки его, цари и великие князья и сродник его Владимир Всеволодович Мономах на царство, на великое княжение садились. Получая царскую корону из рук главы церкви – митрополита, глава государства обязывался прилагать все усилия к сохранению и укреплению положения церкви, охранять православную христианскую веру, в то время как церковь своим учением о «божественном происхождении» царской власти представляла в качестве её духовного гаранта.

Пожалуй, наиболее полные сведения о концепции государственной власти первого русского монарха мы получаем из его же уст в «программной» «Переписке А. Курбского с Иваном Грозным». С самого начала он говорит о своём праве на самодержавный престол, праве древнем, неизменном, неутраченном: «Самодержавство Российского царства началось по божьему изволению от великого царя Владимира Мономаха, ...мы родились на царстве, а не чужое похитили»; «...ибо мы не возжелали ни у кого отнять царства, но по божию изволению и по благословлению прародителей и родителей своих как родились на царстве, так и воспитались и возмужали, и божиим повелением воцарились, и взяли нам принадлежащее по благословлению прародителей своих и родителей, а чужого не возжелали» [7:25]. Важно, что в «Переписке» Грозный выражает идею, которую никто кроме него не понимал: подданный должен служить не человеку, который может быть взрослый или младенец, но государству, олицетворённому в особе государя. Для многих родовитых бояр и бывших удельных князей,

только вышедших из системы родового права, действительно трудно было это понять.

Иван IV, таким образом, стал первым царём не потому только, что первый осознал всё значение царской власти, первый составил себе теорию, тогда как отец и дед его усваивали свою власть только практически: «Иван IV был первый из московских государей, который узрел и живее почувствовал в себе царя в настоящем библейском смысле, помазанника божия», - писал В. О. Ключевский.

Остановилось только на духовном завещании Грозного от 1572 года, где он пытается регламентировать отношения между своими сыновьями. «С заповедую вам, да любите друг друга... А ты сын мой Фёдор, держи место моего Ивана в моё место отца своего и слушай его во всём, как мене, покорен буди ему во всем и добра ему хотя, как мне родителю своему; будет благоволит Бог ему на государстве бытии, а тебе на уделе, и ты государства его под ним не подыскивал...». В этом наказе обращает внимание, во-первых, желание царя, чтобы дети его не разделялись до тех пор, пока старший из них Иван не сломит всех крамол и не утвердится на престоле. В противном случае удельный князь будет самым верным оружием в руках недовольных. Во-вторых, Грозный не довольствуется уже, подобно предшественникам, одним неопределённым приказом младшему сыну держать старшего в отца место, он определяет, в чём должно состоять сыновнее повиновение: младший должен быть в воле старшего до крови и смерти, ни в чём не прекословить, а в случае обиды на старшего не смеет поднимать против него оружие. Этим приказом Иван IV *de jure* уничтожает подданнические отношения к старшему, ставит младшего брата в совершенно равные отношения к старшему. Одним словом, Грозный дорущивает родовый быт, родовые отношения между князьями и формулирует краеугольные положения династической формы правления.

Подводя итоги, можно сказать, что летописи XVI века в широком смысле зафиксировали медленный и сложный, сопряжённый со многими трудностями и противоречиями, переход от родового сознания человека к государственному. Ощутимая тенденциозность не снижает их значения в исторических источниках, а увеличивает это значение. Помимо ценных подробностей, которые они сообщают, нам открываются многие скрытые связи и отношения той эпохи. Как мне показалось, авторы не бездумно прописывали новую концепцию власти государя, но проживали и проникались ею, тем самым вскрывая многочисленные нюансы и доминанты политической жизни эпохи. Одной из таких доминант и являлось противостояние государства роду, и как следствие, вычленение последнего царской династии.

Литература

1. ПСРЛ. СПб., 1841. Т. III.
2. ПСРЛ. М., 1908. Т. XXI.
3. ПСРЛ. М., 2000. Т. XIII.
4. Альшиц Д. Н. Иван Грозный и приписки к лицевым сводам его времени // Исторические записки. - М., 1947. Т. 23.
5. Ключевский В. О. Русская история. Полный курс лекций в трёх книгах. - М., 1994. Кн. 1.
6. Очерки русской культуры. - М., 1977.
7. Переписка А. Курбского с Иваном Грозным // Памятники литературы древней Руси. Вторая половина XVI века. - М., 1986.
8. Соловьёв С. М. История отношений между князьями Рюрика дома. - М., 2003.

Е.Н. Огорельцева
Научный руководитель:
д. филол. н., профессор
М.А. Литовская

ПРОБЛЕМА СОЦИАЛИЗАЦИИ В РОМАНЕ С. СОКОЛОВА «ШКОЛА ДЛЯ ДУРАКОВ»

Проблема социализации, под которой понимают процесс выстраивания единой системы координат между взрослым и ребенком, процесс усвоения человеческим индивидом определенной системы знаний, норм и ценностей, предопределяющих его функционирование в качестве полноценного члена общества [5 : 165, 179; 2 : 37 – 45, 94 – 104, 129 - 134], уже сотни лет является актуальной в контексте мировой культуры. Детство как неотъемлемая часть человеческой жизни, предвещающая взросление, независимо от исторической эпохи и национальной принадлежности художника, привлекает внимание искусства, в том числе литературы.

В XX веке одной из центральных проблем гуманитарного знания становится вопрос о возможностях и пределах субъективности, о взаимовлиянии индивидуального и общего, что неизбежно приводит к актуализации проблемы социализации. В романе С.Соколова «Школа для дураков» (1976) социализация рассмотрена как явление универсальное, в